

Но увы?!. Вскоре наше счастье, как и счастье миллионов и миллионов сограждан было омрачено.

22 Июня 1941 года началась вторая мировая война.

Я пока в Москве. Правда мне принесли, заказанный на 24 или 25 июня железно-дорожный билет до Абдулино, но будучи военно-обязанным я не счел возможным, да и не мог поехать по этому билету в Абдулино. Это могло быть расценено как дезертирство, позже, однако, мне стало известно, как некоторые, даже не имея железно-дорожных билетов, сумели каким-то образом оформить задним числом отпуска, командировки и " смыться " из Москвы подальше на восток, в Среднюю Азию, в Сибирь; все равно куда лишь бы подальше от надвигающейся опасности быть мобилизованным и посланным на фронт. Но дорогие мои дети и ты милая Оля Ваш отец и твой муж не мог так поступить; сделать так значило всю жизнь презирать себя и презирать справедливо за измену Родины, за трусость. Позже в годы войны, в суровых боях, мне не раз приходилось встречаться с " крикунами " до войны и оказавшимися подлецами без кавычек в суровые годы войны.

Мои раздумья о войне:

Мне не казалось, что эта война будет кратковременной схваткой с врагом Нашей Родины.

Разве могла решиться неподготовленная страна напасть на нашу Страну. Конечно-же нет и еще раз нет и нет!!!.

Мирный договор, подписанный Риббентропом /по поручению Германии/ и Молотовым / по поручению СССР/ были использованы в полном объеме, причем использованы в ускоренном темпе для наращивания сил к ведению войны, тогда как наша Страна эту передышку в полной мере не использовала. Горько и обидно за эти ничем неоправданные просчеты.

Итак, война началась, война продолжается и от этого, как говорится никуда не уйдешь.

Я не знал, что имел бронь и потому был несколько удивлен тем, что меня все еще не вызывают в Райвоенкомат.

Вскоре въезд в Москву для лиц, несвязанной с Государственной необходимостью был закрыт. Маме в железнодорожном билете для поездки в Москву к месту жительства и работы было категорически отказано. Другого и быть не могло, ведь Москва начинала эвакуацию.

Итак, мама вынуждена остаться в Абдулино. Не скрою последнее придавало мне сил и я был более спокоен за маму и за тебя -сын.

Вот что пишет кратко мама о себе за эти военные годы:

В сентябре 1941 года я устраиваюсь на работу заведующей клинико-диагностической и санитарно-бактериологической лабораторией при Горздравотделе. Работы много. Несколько позднее руководство считает более целесообразным / из за нехватки кадров/ использовать меня на работе в эвакогоспитале /№3929/.

В госпитале помимо заведывания лабораторией мне приходится через каждые 2-3 дня исполнять обязанности дежурного врача, хотя я по образованию не врач. Но что поделаешь. Врачей не хватает, меня уговаривают, обещают помочь и т.д., т.д. Приходится согласиться.

Больных раненых и послеоперационных очень много и многие из них жалуются по ночам на бессоницу. Необходимых лекарств, особенно снотворных, однако, очень и очень мало, порой их просто нет. Что было делать?. Как облегчить состояние таких больных?!

И я надумала использовать " психотерапию ". Для этих целей готовила безобидные /индефирентные/ порошки из смеси глюкозы с лимонной кислотой. И представьте себе многие больные после приема таких порошков засыпали и потом благодарили меня - "доктора" Лутикову Ольгу Трофимовну.

Начальник госпиталя доктор Козлова на пятиминутках часто ставила меня в пример и подчеркивала, что больные очень довольны когда дежурит доктор Лутикова Ольга Трофимовна. Она подчеркивала ту мою сторону так необходимую больным это чуткое, внимательное

мое отношение к больным, желание найти слова для их успокоения. И действительно больные относились ко мне с уважением и старались никогда меня не подводить перед начальством. Так, если к примеру, выздоравливающие уходили в город, то возвращались всегда во время и при вечернем обходе все были в постелях. Врачи мне завидовали, что мои дежурства проходили всегда хорошо, без осложнений. Несколько позднее своим опытом " психотерапии " я поделилась с другими врачами, эффект в большинстве случаев был так же положительным. Обо всем этом в конце концов я поведала заведующей и получила ее одобрение. Конечно-же кроме этих безобидных порошков имеет исключительное значение подход к больному, уметь найти с ним контакт, расположить к себе и уверить его в исцелении его недуга.

После перидеслокации эвакогоспиталя из Абдулино ближе к фронту меня обратно ставят на заведывание клинко диагностической и санитарно-бактериологической лабораторией при Горздравотделе. Помимо этой работы / на полставки / по совместительству работаю Госсанинспектором.

Вскоре в Оренбургской области получает большое распространение / "вспышка " / болезни " септической ангины ". Обе больницы /городская и железнодорожная/ до отказа заполнены больными. Всем им требовалось как можно быстрее провести клинко-диагностическое обследование. Возглавляемая мною лаборатория и я сама работаем с утра до позднего вечера. Распространение болезни принимало характер "эпидемии". Было установлено, что заболевание связано с приемом в пищу продуктов из зерна, перезимовавшего под снегом. Областное руководство принимало срочные меры как по лечению, так и по профилактике заболеваний населения. В области были созданы специальные питательные пункты, с набором высококалорийных продуктов даже наличия шоколада.

✓ Перед органами Здраоохранения Области была поставлена серьезная и ответственная задача о проведении обследования населения в местах широкого распространения этой болезни. Было предложено мобилизовать на эту неотложную работу максимальное число медицинских кадров, а их то в то время, в связи с войной, было так мало.

Вот в этой ответственно-сложной ситуации мне и было предложено Горздравом поехать в населенные пункты района, где особенно много больных для клинико-диагностического их обследования. ✓ Конечно я могла отказаться, так как у меня маленький ребенок, однако, учитывая всю серьезность и сложность момента, ведь шла война, даю согласие, ведь кроме меня в то время не было опытного работника такого профиля работы.

Я ездила по деревням, брала кровь у людей, исследовала и у кого по картине крови диагностировалось начальная стадия заболевания тут-же их по моей рекомендации обеспечивали усиленным питанием и эти люди не заболевали. Так я многих спасла от этой болезни. Мною было подтверждена связь заболевания с употреблением в пищу перезимовавшего зерна. Помимо анализов крови в установлении связи прием в пищу продуктов из перезимовавшего хлеба статистически подтверждалось моими беседами с наблюдаемыми мною лицами чем они питались, с какого времени и т.д.

✓ Результаты моих наблюдений в обобщенном виде представленные Горздравотделу, видимо, были также учтены при объявлении Областью о запрете употреблять продукты из перезимовавшего зерна и замене его доброкачественными продуктами. ✓

Во время моих поездок я наблюдала ужасную картину, когда в некоторых населенных пунктах, где "свирепствовал" эта болезнь, вымирали целые семьи и даже отдельные населенные пункты. Болезнь протекала быстро, так как сопровождалась кровотечением горловым, носовым, кровоизлиянием в мозг и внутрибрюшным кровоизлиянием.

В этот период у меня на сердце было так тяжело и тревожно на душе не только, вернее сказать несколько, за себя, а за тебя мой дорогой и горячо любимый сын. Ведь ты мог остаться сиротой, лишившись меня здесь, когда я рядом с тобой и отца в далеке от тебя на фронте.

" Слава богу ", так говаривалось в старину когда что-то заканчивалось благополучно. Я была счастлива, что работу по септической ангине закончила; рада еще и тем, что находясь хотя и в глубоком тылу все же выполнила с честью свой долг перед Родиной оказав посильную помощь, с опасностью для своей жизни, органам здравоохранения в ликвидации опасного заболевания населения области.

Вскоре после начала войны через Абдулино по направлению к Уфе и дальше шли целые составы поездов с эвакуированными женщинами, детьми, стариками. Многих из эвакуированных оставляли в Абдулино. Абдулинский Горсовет к бытоустройству эвакуированных не был достаточно подготовлен и часто некоторые из эвакуированных оставались со всем своим скрабом, который они везли с собой на вокзале и даже на улице возле вокзала.

На заводе среди живущих там семей я организовала " поход " на вокзал к эвакуированным с продуктами у кого что есть:молоко, творог, яйцо, сало свиное и различная зелень с огорода. Все это мы давали эвакуированным бесплатно, в виде помощи, но не милостыни; особенно рады были нам люди с Украины. Они крепко и душевно по украински нас благодарили и почему-то, как мне запомнилось, просили больше приносить зеленого лука, называя его " цибулей ". Наши "походы" на вокзал часто повторялись, пока всех их власти Горсовета не разместили в Абдулино и районе, а некоторые из них уехали ,попытать " счастья " дальше.

В связи с тем, что Миша, как только был призван в Армию выслал мне в Абдулино денежный аттестат по которому через Райвоен-

комат я ежемесячно получала деньги, меня в Райвоенкомате знали как жену офицера-фронтовика и иногда обращались ко мне с просьбами помочь им в организации различных мероприятий. Так, например, по просьбе Военкома я организовала уборку сахарной свеклы, посаженную совхозом недалеко от завода.

По указанию Райвоенкомата в мое распоряжение прислали женьщин и кроме них мне пришлось уговаривать женьщин живущих в городе и, главным образом, на заводе. Нам помогала Мария Семеновна тем, что она готовила из свеклы сладкую начинку и мы с удовольствием кушали пирожки с этой начинкой.

Мы убрали свеклу с большой площади за что получили благодарности от Райисполкома.

После этой работы мне, опять-таки по просьбе Военкома пришлось уговаривать и организовывать заводских женьщин на стирку стеганых телогреек, брюк и гимнастеров, необходимых фронту. Эта наша работа облегчалась тем, что на заводе было в достатке горячей воды и поэтому с заданием мы справились хорошо и в срок, за что так-же получили благодарность.

В 1943 году я попадаю в Москву. Вот как это произошло : Из нашего госпиталя выписываются трое больных, им нужен сопровождающий; едут они через Москву.

Мне так хотелось пусть не надолго побывать в Москве, посмотреть все-ли в порядке с квартирой, с оставленными в квартире вещами, уплатить квартирную плату.

С этим вопросом я обратилась к начальнику госпиталя доктору Козловой. ^{О посылке меня сопровождающей больной до Москвы} Мне пошли навстречу, выписали командировочное предписание, приобрели для меня ж-д билет до Москвы /туда и обратно/ и я в Москве. Посадила больных от Москвы кому куда необходимо /они из Московской области/, дала их родным телеграммы, а сама поехала к себе на квартиру /Малая Дмитровка, дом 16/.

Вхожу в дом, пусто. Поднимаюсь к себе на 2-й этаж и что же вижу?. На кухне все черно, закопчено, видимо был пожар. Моя комната не заперта, только закрыта на задвижку. Вхожу в комнату: окно выставлено, подоконник весь закопченный и конечно в комнате ничего не осталось из вещей, кроме швейной /ножной/ машины, кушетки и двухстворчатого гардероба; все растащено. Представляете мое состояние?!.

Нашла мастера, который за определенную плату вставил раму в окно и замок в дверь. В комнате много снега. Перенесла швейную машину в соседней дом к Тони Юсуповой, сослуживце по работе. Уплатила квартплату за все время эвакуации и за год вперед. Задерживаться в Москве не было смысла, все соседи по квартире отсутствовали, да и срок моего пребывания в Москве истекал и я вернулась в Абдулино.

Когда я работала по "септической ангине" и получив сравнительно обширный материал указывающий на актуальность развертывания специальных работ по выделению этого возбудителя болезни и его серьезного изучения мною было послано в Москву в Наркомздрав письмо с просьбой дать мне возможность работать по этой весьма важной проблематике для здравоохранения. В 1944 году я получила из Наркомздрава положительный ответ на мое письмо с вызовом меня в Москву. Итак, в 1944 году я вернулась из эвакуации в Москву.

Когда, в Москве я пришла на прежнюю работу, то оказалось, что Институт Биохимии АН СССР вернулся из эвакуации не в полном составе. Мои диссертационные материалы пропали при эвакуации Института из Москвы. Обидно, но что поделаешь кому в то время было без меня думать о моих материалах, ведь были дни когда из Москвы не эвакуировались планово, а "драпали", лишь бы поскорее и подалее. И все же я сильно переживала, ведь это были результаты моей многолетней научной работы, но что поделаешь ВОЙНА!!!. Люди теряли головы, исчезали целые семьи, поселки, города.

Оказавшись в этой, нелегкой для меня ситуации, я вновь обратилась в Наркомздрав СССР, напомнив о моем желании работать в биохимической лаборатории по выделению возбудителя " септической ангины".

Наркомздрав направляет меня во Всесоюзный Институт Экспериментальной Медицины / ВИЭМ/, где приказом по Институту меня определяют научным сотрудником в лабораторию вирусов к профессору Товарницкому.

Работа моя в тылу " в эвакуации/ закончена, сделано немало и моя "скромная" работа оценена Правительством; Ваша мама награждена: " медалью за трудовое отличие в тылу".

Не могу не сказать хотя-бы кратко о моих эмоционально-нервных переживаниях в годы эвакуации.

Вскоре после начала эвакуации населения из Москвы у отца собралась большая " семья ". К нему кроме меня приехали: жена Дмитрия Вера с двумя детьми и жена Андрея с двумя детьми и матерью. Верой Игнатьевной. Собралось одиннадцать человек из них пятеро детей. Съехались вроде-бы родные и в то-же время разные по своему характеру, жизненным привычкам, некоторым взглядам на жизнь и т.д. т.д. Дел и хлопот, как говорится, было не впроворот и Ваша бабушка - Мария Семеновна была предельно занята. Основной помощницей ей стала я. Эти бытовые условия безусловно были не безразличны и частенько порой меня волновали.

Я уже касалась о своей работе в период моего пребывания в годы эвакуации в Абдулино. Работа отнимала у меня много физических сил и к тому-же я всегда переживала, так как несла моральную ответственность и в ночные дежурства в госпитале в качестве врача и за качество лабораторной диагностики, которая служила объективным критерием многих сторон состояния обследуемых больных. Ведь в то время важно было, чтобы больные не просто выздоравливали, а выздоравливали как можно быстрее и тем самым пополняли

поредевшие фронтовые воинские части. Вы дети сами понимаете насколько это было важно, учитывая те огромные потери, которые несла наша Армия особенно в первые годы войны. С другой стороны врачи не могли, не имели морального права выписывать лиц недолечившихся. Это я понимала и, естественно, волновалась за результаты своей работы и работы моих подчиненных. И вот для того, чтобы с моей стороны не было ошибок или хотя-бы ошибок "грубых", я по своей инициативе прошла четырехмесячные медицинские курсы.

Я уже упоминала о моей работе по "септической ангине". Эта работа занимает в моем эмоциональном напряжении особое место. Этиология этого заболевания не была достаточно известной и неудивительно, что я находилась весь этот период моей работы в каком-то страхе. А вдруг заболею и умру?!. Что будет с сыном?!!!. И как уже выше писала о той боязни, что он останется "круглым" сиротой, без матери и отца, а ведь я как мать безгранично любила своё дитя.

Не малым дополнительным бременем на мои "плечи" ложилась и работа / "общественная что-ли?./, проводимая по просьбам Горисполкома и Военкомата. Эта общественно-полезная и необходимая в условиях того времени работа являлась дополнительной "гирькой" к имеющемуся у меня перенапряжению.

Я должна была работать с людьми, а ведь в семьях в основном остались женщины и дети и у всех у них были свои заботы, неотложные дела. У женщин, обычно всегда, как говорится "дел по горло", а в эти суровые годы войны тем более и вот в этих условиях я должна была со многими из них разговаривать, убеждать их, чтобы они поняли, откликнулись и пошли помочь, скажем по уборке той-же свеклы или стирки воинского обмундирования; пошли добровольно. С открытой душой, не по принуждению.

И самым тяжелым для меня было конечно-же ожидание, постоянное ожидание вестей от Миши, Вашего отца. Жив-ли он?!. Где и что с ним?!!!. Вот те вопросы и думы, которые всегда были при мне, во

время моего кратковременного отдыха, ночью и днем, на работе и всюду где бы я не была. По радио передавалось о тяжелых боях, а Ваш отец воевал в строевых частях / в пехоте /, где потери были наибольшими, да к тому-же воевал он в таких горячих местах, как бои за Сталинград, сражениях на Орловско-Курской дуге, Яско-Кишеневской операции и т. д., т.д.

Бывало ждешь письмо, а его все нет и нет и начинает " щемить " сердце, да еще как защемит?!!!!. А получишь письмо, опять волнуешься и рассуждаешь примерно так: письмо-то отправлено давно, а как сейчас и опять думаешь и спрашиваешь себя жив ли?!!!!. Правда письма я получала бодрые, любящие и полные надежд на Встречу после войны, но я то знала, что Ваш отец не напишет о действительном его положении если ему будет очень и очень трудно.

К счастью прошли годы войны и я с облегчением вздохнула. Отец жив, здоров!!!. Мои глубокие переживания за него остались позади.

Как известно наша Армия с первых же дней войны несла немалые потери. Высшее Командование принимало срочные меры по мобилизации воинских резервов, остро стоял вопрос и о пополнении частей офицерским составом. В этих условиях были пересмотрены многие брони на офицерский состав. Так была снята бронь и на меня-Вашего отца.

В августе 1941 года я был призван повесткой почему-то не в Райвоенкомат, а в Горвоенкомат. Там находился представитель руководства по формированию эвакогоспиталей, в задачу которого входило отбирать нужных людей для работы в формирующихся эвакогоспиталях. Так, я был призван в ряды Красной Армии и направлен в клинико-диагностическую лабораторию эвакогоспиталя № 2431.

Местом нашей дислокации было Карачарово, что под Калининым. Работы было много, раненые различной степени тяжести поступали непрерывно и в немалых количествах. Немцы город Калинин захватили быстро; создавалась реальная угроза нашему эвакогоспиталю.

Госпиталь получил приказ срочно подготовить раненых и персонал к эвакуации. Для этой цели было выделено два суденышка и в один из дней мы отправились на них; на одном раненые с некоторым количеством медицинского персонала, на другом - остальной персонал и оборудование. Оправились мы водным транспортом, плыли и плыли словно и не было войны, во всяком случае никаких оружейных залпов не было слышно.

Местом нашего назначения оказались - Березники, те Березники, что находятся за городом Пермь.

С эвакуацией госпиталя в глубокий тыл изменилась и обстановка для меня. Госпиталь перестал быть эвакогоспиталем, а стал обычным стационарным, а, следовательно, согласно положения и весь персонал становился не военнообязанными, а гражданскими. Я обязан был стать на воинский учет в Березниковском Райвоенкомате. Что я и сделал. И буквально на следующий день был вызван в Райвоенкомат и направлен в Пермский Горвоенкомат. В Перьми, после беседы со мной, сочли целесообразным меня, как и многих других немного подучить, исходя, видимо, уже из полученного опыта войны. Так я оказался курсантом на курсах младших лейтенантов Уральского Военного Округа /УРАЛВО/. Курсы дислоцировались / точно не помню в городе или местечке/ в Кыштыме на Урале между Челябинском и Свердловском.

Как и положено на курсах был штатный состав, часть из которого на фронте не были, а осели из военкоматов и некоторых других учреждений, но были и из числа уже побывавших на фронте. Среди курсантов был сержантский состав, направленных на курсы из госпиталей после выздоровления, небольшое число лиц было и офицерского состава, таких как я, нуждающихся по мнению командования в краткосрочной переподготовке. Мне же представляется нас офицеров направляли на эти краткосрочные курсы не столько для

пополнения наших знаний, хотя это имело значение, сколько с учетом комплектования частей на месте полностью, скажем укомплектованная рота уже имела не только положенное количество рядового и сержантского состава, но и командиров: командира роты, его помощника, командиров взводов. и т.д. Не вести же к месту боевых действий воинские части с неудокомплектованными офицерским составом.

По прибытии на курсы в Кыштым, осмотревшись и определившись на квартире я написал Оли письмо о месте моего нахождения и чем я занимаюсь.

Как курсанты / офицеры и сержанты / были равными, учения проходили по единой программе. Некоторое различие было, мне например как офицеру было разрешено жить на частной квартире, а не в казарме. Питание, распорядок дня, подготовка / штурмовщина / были одинаковыми для всех. " Гоня-ли " нас здорово и, как обычно, без особой надобности. Наши " горе-командиры " старались во всем преуспеть, показать тем самым свою незаменимость и закрепиться по прочнее в тылу. Этот тезис, когда я пишу спустя 45 лет тому назад, дает мне право объективно и оценить и справедливо-открыто об этом сказать.

Питание курсантов было отвратительным. Мы были молоды и все же по причине недоедания, особенно белкового, у многих курсантов появилось "моченеудержание". Почему было плохое питание?! Полная бесконтрольность служб, занимающихся этим обеспечением, а так-же по причине " растаскивания " продуктов, предназначенных курсантам. Небольшой эпизод: однажды после вечернего отбоя меня вызвали к комиссару курсов. Причина вызова стала ясна из вопроса и обращения ко мне комиссара. Почему я отказался от приема пищи в ужин? Что это "бунт", или что-то в этом роде?! Мне стало все ясно и спокойно с должным достоинством ответил: от пищи не отказывался пайку хлеба съел, не отказался бы и от другой, а грибной суп в ко-

тором плавают сверенные черви желудок не приемлет. И далее примерно так: " по своему характеру не бунтарь". Не помню, но что-то комиссар говорил о долге и прочее. На этом разговор и закончился.

Мне известны были отдельные курсанты из числа присланных на эти курсы из госпиталей / молодых /, которые просились на фронт по причине условий на курсах. Их разговор был примерно таким? " уж лучше на фронте, чем здесь". Сначала я подумал, что они " рисуются ", затем понял, что это их действительное желание поскорее освободиться от условий Кыштымской курсантской жизни. Однако, как не было тяжело, но все же это был глубокий тыл, вдали от тех ужасов, которые несла война, война жестокая, война кровопролитная.

На фоне этих тяжело-огорчительных дней курсантской жизни, ко мне пришла большая радость - приехала моя милая Оля или " Лёшулинька ", как я называл ее ласково, горячо любя. Вот что пишет о своей поездке Ваша мама: узнав из письма, что Миша под Златоустом в Кыштыме на курсах командиров, набрав самые калорийные продукты в чемодан и саквояж я поехала к нему, чтобы отвезти продукты и повидаться с ним. Когда я приехала туда, то увидела как он похудел и устал. Пожила я там недолго. Дорога туда и обратно была очень тяжелой, это было осенью; ехала почти всю дорогу стоя в тамбуре, так как в поезд ели села, все вагоны были забиты до отказа. А через некоторое время опять таки с большим трудом вернулась к месту своей работы в Абдулино.

Дни пребывания Оли у меня в Кыштыме были днями счастливыми, ~~днями~~ днями большой радости встречи и огорчения скорой разлуки.

С тяжелым чувством на душе проводив Олю в Абдулино, я остался один с надеждой ~~навестить~~ повидать мою милую Олю и не только ее, но и тебя мой милый сыночек проездом на фронт через Абдулино.

Неофициально было известно, что наша часть формирование закончила и должна в скором времени отправиться под Сталинград, где шли ожесточенные бои.

Наконец нас погрузили в эшелоны и мы отправились в путь в сторону фронта. Мои предположения подтвердились мы следовали через Абдулино. И думы мои, мои неотвязные думы увижу ли Вас мои дорогие?!!!!.

Оказалось, ты Игарек с мамой почти всю ночь пробыли на вокзале, чтобы встретить, как пишет Оля, папу Мишу, когда он придет в Абдулино проездом на фронт. Вот что пишет Ваша мама об этой встрече: встреча была очень трогательная. Когда он /т.е Я/ в Абдулино вышел из вагона с перевязанной головой, мы все бросились к нему. Он взял Игаречка на руки всех перецеловал, у всех были слезы на глазах, даже посторонние на вокзале прослезились, глядя на отца и сыночка как они прощались, так как стоянка поезда была небольшой и когда он опять сел в вагон мы все долго стояли на платформе, а он на подножке вагона и махали друг другу руками.

Итак, ехал я /сентябрь 1942г/ к Сталинграду в должности помощника командира роты противотанковых ружей /ПТР/, сформированного отдельного батальона, который вошел в состав 97 отдельной стрелковой бригады.

97 Отдельная Стрелковая Бригада дислоцировалась на подступах к Сталинграду со стороны Бекетовки.

В сентябре 1942 года я - под Сталинградом. И, вскоре по прибытии намечаются боевые действия - наступление нашей 97 ОСБ, а стало быть и нашему второму отдельному стрелковому батальону.

Буквально накануне дня наступления меня вызвал командир батальона и приказал срочно принять от лейтенанта Галактионова 2-ю стрелковую роту. Этому приказу я был немало удивлен, но расспрашивать о причине такого приказа накануне наступления было неуместно. Оставалось только сказать: "есть принять 2-ю роту". О солдатах принимаемой роты я ничего не знал, не имел представления даже о командирах взводов. Ведь в пути следования с Урала

до Сталинграда я находился в своей роте, роте противотанковых ружей. Принимая перед наступлением незнакомую мне стрелковую роту, я несколько успокоился тем, что командир этой роты оставался в роте моим помощником.

Итак, завтра первое боевое "крещение". Боевая задача мне-командиру стрелковой роты была неясной. Указано лишь направление наступления, но какова конечная цель наступления то-ли захват стратегически важной высоты или захват оборонительного рубежа противника ясности не было.

Назавтра рота наступала, несла потери. Справа от меня в наступление вел I-ю стрелковую роту командир роты Герасименко. Слева наступала 3-я рота. Мы шли, бежали вперед, конечно стреляли. Помню преодолели глубокий овраг и как-то неожиданно "выдохлись".

Поздно вечером по телефону из штаба батальона поступил приказ остановить наступление. Расположение стрелковых рот к этому времени было таково: I-я рота далеко продвинулась вперед, была остановлена противником в ложине и прист^рельным минометным огнем уничтожалась, пока не была уничтожена полностью. В этих условиях вероятно, необходимо было сделать отчаянный рывок вперед для преодоления ложины. Этого сделано не было, а отступать не было приказа. Так погибла I-я рота в первом-же бою. Слава и вечная ей память!!!.

Я с разрешения командира батальона отвел роту несколько "назад" на уровень с 3-й ротой. В моей роте, после этого боевого крещения осталось немногим более половины личного состава, остальные либо убиты, либо ранены. Тяжело-раненым отправлен в госпиталь и мой помощник лейтенант - Галактионов, больше его я уже не встречал.

После этого первого моего "боевого" крещения, на какое-то время нас не посылали атаковать противника, видимо, нужно было пополнение; немцы стреляли по нас мы им отвечали

тем-же. С нашей стороны / моей роты / стрельба велась по противнику, главным образом, из легких / ротных / минометов. Потери рота все же несла, но не столь значительные как в наступлении.

В октябре 1942 года нашему батальону был отдан приказ переместиться, занять оборонительный рубеж другого более потрепанного батальона. И, непонятно, почему эта перидислокация происходила не с вечера или ночью, а буквально на рассвете. И, я командир роты не имею времени руководить размещением роты в окопах со своего командного пункта - траншеи; я бегаю по верх траншеи по сути на глазах противника. "О слава богу" кажется обошлось без потерь, а Ваш отец дети, пока жив.

Рота, которую я заменил выглядела вместе с ее командиром жалкой, это была не рота, а ее остатки. Фамилию командира не помню, но я сразу узнал в этом жалко-растерянном командире курсанта по Уралво. Он был так жалок, что я посчитал за лучшее к нему не подходить.

Вы дети спросите, а как себя чувствовал в этой ситуации Ваш отец?!. Плохо, очень плохо. Однако головы не терял, понимая, что пока я жив должен командовать, воевать, а не распускать "нюни". Другого не дано. Немец находился от нас примерно в метрах четырехсот. Равнинная, открытая местность. Бойцы углубляли траншеи, соединительные ходы. Командирам взводов были даны сектора обстрела противника, с задачей ознакомить с ними бойцов и по возможности пристреляться. Командир ротных минометов имел приказ вести наблюдение по всему сектору и в случае наступления противника вести огонь по наибольшему его скоплению.

Ежедневно, правда изредка, велся минометный огонь, главным образом, по их минометным огневым позициям.

Моей роте был придан расчет с одним станковым пулеметом. Ему была поставлена задача: хорошо замаскироваться, иметь запасную огневую позицию, огонь открывать лишь в том случае если против-

ник пойдет на нас в наступление, или мы пойдем на него в наступление.

Для меня - командира роты был оборудован небольшой блиндаж / нечто вроде небольшой землянки с легким, сравнительно, перекрытием /. Здесь-же находился связист-телефонист. В один из дней и непомню в котором часу, я вышел из блиндажа и по окопам начал обход огневых точек роты. И вдруг, только что я покинул блиндаж, как мой командный пункт был накрыт минометным огнем / видимо из крупных минометов/. Задержись я на несколько минут и с командиром - Вашим отцом все было бы покончено. Вот что значит родиться в " рубашке "?! Ну разве это не счастье для меня?!!!.

Я не могу писать и не пишу о питании. Для той обстановки это было мелочи жизни. Однако не могу обойти мимо того, что с качеством питьевой воды было очень и очень плохо. Я уже страдал от дизентерии; сильно ослаб. Командиру батальона, а в это время у нас был толковый командир нашего отдельного батальона, он и как вообще как человек, был хорошим, даже фамилию его до сих пор не забыл - Гирявый. Он направил меня недалеко в тыл расположения медицинского санитарного батальона / Медсанбат /. Это было в праздник 7-го ноября 1942 года. Я почти ничего не ел; кажется выпил положенное праздничное / разведенный спирт /, принимал лекарство и много пил крепко-заваренного чая. Мне полегчало. В то время когда я находился эти одни сутки в Медсанбате, наша стрелковая бригада по приказу пошла в наступление. Через сутки я вернулся в штаб батальона, чтобы уточнить обстановку и отправиться в свою роту. Однако, за это время, что я находился в Медсанбате /всего лишь одни сутки / был убит один из помощников начальника штаба батальона, а второй - тяжело ранен. Начальник штаба / Панов / уговорил командира батальона оставить меня при штабе - помощником начальника штаба батальона. Так я стал штабным работником. Время шло и бои шли уже в самом городе.

В штабе я занимался, главным образом, учетом и формированием личного состава. В моем распоряжении был писарь - москвич Коля Большаков. Личный состав редел, активных штыков, так, ~~так~~ называли бойцов непосредственно с оружием в руках участвующих в боевых действиях, становилось все меньше и меньше. Из личного состава, различного рода хозяйственных подразделений казалось все, что можно было взять, было взято и направлено в боевые порядки. И все-же кольцо вокруг врага сжималось и сжималось. Помощь, оказываемая немцам / сбрасывание с самолетов боеприпасов, питания и п./ оказывалось с каждым днем все менее эффективным. Однако, бои продолжались, бои круглосуточные не утихали.

И вдруг - тишина?!. Что это?!. А это означало полную капитуляцию окруженных в Сталинграде немецких частей. Вопреки приказу Гитлера, его хваленый фельдмаршал - Паулюс вместе со своей Армией сдался.

Мы, таким образом, оказались в тылу, в дали от военно-боевых действий.

Дорогие дети не могу с полной определенностью утверждать как было в других частях, героически сражавшихся с немецким зверьем, но в нашем батальоне была ужасная завшивленность. Вошь ползала и под бельем и по поверхности одежды. Отвратительно!. Думаю, однако, что такая же завшивленность была и в других частях. Необходимо отдать должное медицинским и хозяйственным частям, которые, буквально, за несколько дней ликвидировали завшивленность. Больше такого положения на протяжении всех оставшихся военных лет не было.

За непосредственные боевые сражения с врагом отчизны Ваш отец был удостоен награждения двумя Правительственными наградами: медалью " за боевые заслуги " и медалью " за оборону Сталинграда".

Наша 97 Отдельная Стрелковая Бригада получила название гвар-

дейской, а я стал уже не младшим лейтенантом, а Гвардии лейтенантом.

Бригада получила приказ на переформирование и стала называться 93 Гвардейской стрелковой дивизией, Степного фронта; отдельный наш стрелковый батальон переформировался в 278 гвардейский стрелковый полк. Степным фронтом командовал маршал Конев. Не помню сколько времени заняло наше переформирование, мы находились вне боевых сражений, однако, как только части пополнились и доукомплектовались, сразу-же была направлена к месту боевых действий, к Орловско-Курской дуге.

В Курской битве участвовали войска: Воронежского, Центрального и Степного фронтов. Наш Степной фронт находился во-втором эшелоне, как бы в тылу Центрального и Воронежского фронтов. Что осталось особенно в памяти от предстоящих боев на Курской дуге - это большое, очень большое сосредоточение наших войск и много, очень много военной техники. Причем, ⁸⁰ ~~в этот~~ период вел вплоть до наступления немцев ощущалась гнетущая тишина. Подготовкой к этому сражению непосредственно лично занимались: маршалы Жуков и Василевский.

В июле началось сражение. Это были страшные, ожесточенные и кровавые бои. Над полями боев стояли тучи пыли и дыма. Казалось невероятным выйти из этого боевого ада живым, однако многие и многие выжили и победили в этой битве, среди этих многих был и Ваш отец.

После этих боев наша дивизия, находясь в составе Степного фронта вела наступление на Белгородско-Харьковском направлении и 23 августа 1943 года освободили город Харьков. При освобождении города Харькова исключительную роль сыграли наши минометы - "Катюши".

После освобождения города Харькова наша дивизия вела наступательные бои на Полтавско-Кременчугском направлении; вскоре в

в штабах уже готовились к форсированию Днепра. До самого Днепра наша часть продвигалась с ожесточенными боями. Видимо, немцы ставили своей задачей обескровить наши части в боях до Днепра и, тем самым, обеспечить себе основную задачу не допустить переправу наших войск через Днепр.

Отмечу, что боевой порыв наших бойцов к тому времени был очень высок.

Переправа осуществлялась и днем и ночью, что называется сходу. Табельные средства для переправы отставали и поэтому, например, наша часть переправлялась на наспех сколоченных плотках и "качающемся" длинном мостике. Переправлялись, образно выражаясь, на плечах противника. Были конечно с нашей стороны большие потери, но с этим не считались. Вперед!. Быстрее вперед!!. Ведь мы уже не отступали, а наступали, сказывался наступательный порыв. Не могу точно вспомнить когда и за какие бои, то ли за Курскую дугу, то-ли за освобождение Харькова, я был награжден Правительственной наградой - Орденом "Отечественной войны 2-й степени". В боях за освобождение города Харькова жив я остался, но ранения не избежал; был контужен. От госпитализации категорически отказался. Лежал и лечился в Медсанбате, ~~там же~~ Немного "очухался", наши части наступали и боясь отправки меня возможно на длительное лечение в госпиталь / прифронтовой/ и после лечения не попасть в свою часть, я из Медсанбата "сбежал" в свою часть, которая должна была участвовать в боях на Яско-Кишеневском направлении.

Яско-Кишеневская операция можно сказать была уже концом боевых действий на своей территории, так как Бессарабия в то время принадлежала Румынии, воевавшей против нас на стороне немцев. Румыния, вследствие сравнительно быстрого наступления нашей Армии и активных действий прогрессивных сил самой страны, довольно быстро порвала с Германией, а ее армия стала сражаться против

немецких войск. Наша дивизия как-то сравнительно быстро прошла Румынию и мы с боями вступили на территорию Венгрии. Запомнился освобожденный Венгерский город Дебрецен". В это время я находился уже не в штабе полка, а уже воевал в должности помощника начальника 4-го отделения штаба дивизии. Ко времени вступления в Венгрию дивизия была награждена многими боевыми знаменами.

Боевое знамя - это почетно для всего личного состава части, но и ответственно. По законам военного времени, утрата хотя-бы одного знамени, вело к разжалованию многих командиров и расформированию части. Может быть поэтому командование дивизии приняло решение отправить два боевых знамени в Москву на хранение в музей Центрального Дома Советской Армии. Командование дивизии подбирало офицера, которому можно было доверить столь почетное, и в месте с тем чрезвычайно ответственное поручение. Выбор пал на меня. Заманчивая командировка. Побывать дома в Москве. Оля тогда, насколько мне было известно, была еще в Абдулино. Мне пошли навстречу тем, что помимо командировки и соответствующих документов на передачу боевых знамен на хранение, с согласия начальника штаба дивизии оформили еще краткосрочные отпускные документы на поездку из Москвы в Абдулино. Шел четвертый год войны и как заманчиво побывать в Москве, а возможно и съездить в Абдулино повидать тебя Игорь и твою маму. Я мог взять с собой еще двух человек / сопровождающих/ одного офицера и одного из числа сержантского или рядового состава. Таковые были, москвичи, изъявившие огромное желание поехать со мной. Но, что меня удерживало от согласия поехать в Москву с боевыми знаменами?! Это большая ответственность и трудности в пути. До нашей территории по Венгрии и Румынии я мог добираться только на попутных машинах; специальной автомашины в мое распоряжение не выделялось.

На раздумье мне было дано три дня. Я - согласился. Короткие сборы. Получены необходимые документы и два знамени. Москва в то

время еще голодала, поэтому москвичу Коле Большакову было поручено насколько можно донести-доставить заготовить продукты / в основном мясные консервы /. Оба знамени я обернул вокруг своего тела, подвесил их на " плечиках ". Наконец, все готово и мы втроем, я за старшего отправляемся в путь.

В пути на отдых мы останавливались, в основном, при наших военных комендатурах. Благополучно добрались до пункта с которого в Москву ходили поезда. Мы в поезде. Знамена, однако, с плечиков не снимаю, а вдруг украдут приняв сверток за что-то ценное!. Нет дудки. Придется Михаил Иванович еще попотеть, но так будет вернее и безопаснее.

На месте посадки в поезд произошел небольшой эпизод. Это еще случилось на Румынской территории. Наш груз с продуктами довольно-таки тяжеловат и мы рискнули нанять " босяка " донести наш груз с консервами в вагон. Но что это?!. " Босяк " исчез. Какие же мы " дураки " лишиться такой необходимой для Москвы ценности. Стоим у вагона. Думается потеряна вся надежда на то, что " босяк " появится. И вдруг!. О, боже, он бежит, он наш " босяк", и бежит не пустой, а с нашим грузом. От радости мы помимо договоренности " отвалили " ему еще кое что дополнительно.

Мы в Москве!. И, о радость!!. Безмерная радость, моя милая Лешулинька тоже приехала в Москву.

Оказывается, как выше было уже сказано, Оля в 1944 году написала в Наркомздрав СССР письмо с просьбой дать ей возможность работать над выделением возбудителя " септической ангины ". Работа представлялась чрезвычайно важной, особенно если учесть вспышку этого заболевания в Оренбургской Области и маме в 1944 году Наркомздрав СССР оформил вызов ее приезда в Москву. Я, конечно ничего , в то время об этом не знал, тем более радостной была наша встреча в Москве.

Сдаю в музей боевые знамена; вздох облегчения, задание

выполнено. В документе проставлена дата сдачи и приема музеем двух знамен. Однако, я огорчен. Огорчен тем, что музей мне не предоставляет ни одного дня пребывания в Москве. По существу, я должен в тот же день / т.е. в день передачи знамен/ отбыть обратно в свою воинскую часть. Ни одного дня на отдых, побыть дома. Правда я мог выехать в Абдулино, но ехать в Абдулино и при этом в какой-то мере рисковать, ведь война-то еще не окончилась, а Оля в Москве, не имело уже смысла.

Спасибо военному коменданту города Москвы, предоставившему нам три дня пребывания в Москве. Три дня точно три минуты пролетели быстро и наступил день нашего отъезда. Было очень грустно и до боли тяжело. Казалось лучше-бы не приезжать. Меня провожала Оля; ей было тоже тяжело.

На обратном пути нам повезло, встретили приятного майора с машиной ехавшего в штаб корпуса в который входила наша дивизия. Останавливались в Бухаресте в главном ресторане. Выпивка, хорошая закуска и дадье в путь. Прибыл в свою часть в Венгрии. На мое место уже назначался другой офицер; хорошо что успел, как говорить, во-время.

В Венгрии немцы еще пытались остановить наше продвижение; шли, однако, ожесточенные бои и наши части с боями, но все-же уверенно продвигались вперед.

Уже ощущалось приближение окончания войны. Пройдены и пережиты страшные годы войны: часть 1941 года, 1942-й год, 1943-й год, 1944-й год, наступал 1945-й год. Не скрою перед Вами мои милые дети, как хотелось " уцелеть ", ведь война вот, вот закончится, а бойцы шли и шли все еще с боями и многие гибли, так и недождавшись радостного дня победы.

Не помню точно дату и место, помню лишь твердо наша дивизия с боями вступила на территорию Чехословакии и мы в апреле-мае 1945 года непосредственно участвуем в освобождении Чехословакии.

Ваш отец награжден медалью " за освобождение Праги ", города столицы Чехословакии. Но и после 9-го мая 1945 года, после дня Победы наши воинские части в месте с Чехами продолжали преследовать отходившего врага с боями. Здесь наши части громили изменников Нашей Родины, власовцев. Преследовали, уничтожали и все-же многие гибли по существу уже после войны. Вечная слава этим воинам, погибшим в боях уже после провозглашения нашей победы, после полной и безоговорочной капитуляции немецких войск на всех фронтах.

Итак, войне конец. Германия капитулировала. Прага "златая" с ликованием встречала воинов победителей, воинов - освободителей,, в том числе и Вашего отца. Безмерная радость от того, что я жив. Сердцем и душой лезу к Вам, к тебе дорогой сыночек и к твоей маме.

Наша дивизия дислоцировалась в предместье Праги; пробыли под Прагой один или два месяца. Знакомились с Прагой, готовились к перидислокации, ремонтировались, коегде наводили лоск. Сожалею, что в памяти моей об этом славном городе у меня ничего не осталось. Почему?. Не знаю, может быть в то время, сразу после ужасов окончившейся войны красоты города пока плохо /недостаточно/ воспринимались и пока все казалось несущественным. В памяти еще долго оставались следы грозных боевых дней и ночей, возможно слишком еще было большое нервное напряжение?!. Однако, о столице Австрии - городе Вене до сих пор вспоминаю с восторгом. Почему? Не знаю и объяснить не могу.

В Вену я попал уже после войны, причем вскоре после ее окончания. Вена - голодала. Командир дивизии генерал Мароль разрешил начальнику административно-хозяйственной части /АХЧ/ - еврейчику Гинзбургу Леве съездить в Вену. Я не исключаю того, что у командира дивизии, видимо, была " корыстная " цель, а именно что-то приобрести в Вене в обмен на продукты, продуктов же в дивизии в то время было в изобилии. Вот с этим Левой мне и было разрешено

поехать и посмотреть красавицу город - Вену, город Штрауса. Кроме меня в Вену ехали: шофер, матрос-рядовой, но так необходимый с его хваткой для Левы и офицеры, как и я страстно желающие просто использовать возможность ознакомления с этим удивительным по красоте городом. Это были: прокурор и председатель Военного Трибунала.

При въезде в Вену /на автомашине/, начальник АХЧ обратился к гражданину куда лучше и как проехать и где лучше и можно будет остановиться на несколько дней. Этот гражданин, прилично владел русским языком и сразу же предложил свои услуги быть "гидом", даже не оговаривая плату. Соглашение было, как говорится "подписано" и мы сравнительно быстро и довольно прилично устроились. Отец нашего "гида," как позднее выяснилось когда-то жил в России. Для нас этот человек был большой находкой. Он прекрасно знал город Вену, ее достопримечательности и культурные ценности.

Мы побывали и в Венском лесу - лесу Штрауса, в театрах, музеях, даже осмотрели гробницы видных государственных деятелей прошлых веков, ну и конечно-же красоту самого города. Пробыли в Вене дней пять, а возвратившись в часть вскоре передислоцировались в одно из местечек / какое не помню / в Бессарабии, ныне Молдавии неподалеку от Румынской границы. И началась скучная, нет скучнейшая штабная работа. Но что было поделывать, оставалось терпеливо ждать когда демобилизуют.

Рядовой и сержантский состав к демобилизации готовили /ремонтировали обувь, обмундирование, чтобы не походили на "голодранцев"/ и отправляли к местам жительства. В основном этим Ваш отец и занимался в это скучное для него время.

В один из дней, видимо, в декабре 1945 года, Коля Казаковцев, который работал в штабе по офицерскому составу сообщил мне приятную новость, а именно то, что из штаба Армии пришел приказ о демобилизации офицеров, работавших до войны специалистами в народном хозяйстве. К приказу прилагался список специальностей:

инженеры, агрономы и т.д. Научных работников в этом перечне не было. Мне было совершенно ясно почему эта категория лиц не вошла в перечень, ведь ученых из числа офицерского состава в действующей армии было мизерное количество, о них просто забыли. Так или иначе, но вопрос о моей демобилизации повис в воздухе. Решение моего вопроса осложнялось еще и тем, что и командир дивизии и начальник штаба, с которыми я прошел тяжелые, боевые, фронтовые дни уехали учиться в Военную Академию города Москвы, а к присланным на их место обращаться мне казалось не имело смысла, так как это были офицеры, как я уже сказал, не фронтовики, а штабисты — буквоеды.

В этой обстановке мною было принято решение обратиться через "голову" своих начальников на имя Военного Совета Армии. Так я и сделал: написал соответствующий рапорт и отослал воинской почтой Военному Совету Армии.

Почему я торопился с демобилизацией? Я уже писал о моей неудовлетворенности штабной работой, война окончилась, снова стали вводить строевую подготовку, "kozyрять", т.е. по воински приветствовать старших и отвечать на приветствия младших по чину офицеров. Но не это, однако, главное. Главное то, что я очень скучал по семье. Тебе Игорь к Сентябрю исполнялось почти 8 лет и мама из Абдулино привезла тебя в Москву, чтобы ты учился в Московской школе. Мне очень необходимо было быть в Москве, дома. Вскоре ^{из} Военсовета Армии пришла срочная телефонограмма — распоряжение о моей демобилизации. Оформление документов, короткие сборы, прощальный ужин с близкими мне офицерами и в путь. А вот и Москва; я — дома.

Итак, вся семья в сборе. Комната малюсенькая, всего 9 кв.м., но мы счастливы, как говорится "в тесноте не в обиде".

Выше уже отмечалось как Ваша мама поступила на работу во Всесоюзный Институт Экспериментальной Медицины.